

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев

АГЕНТ АБВЕРА

Валерий Ковалев

Агент Абвера

«Автор»

2020

Ковалев В. Н.

Агент Абвера / В. Н. Ковалев — «Автор», 2020

Осень 41-го. Враг на подходе к Москве. Ситуация критическая. И в это время на Лубянке планируется и начинает внедряться в жизнь одна из первых стратегических секретных операций по дезинформации противника, сказавшаяся на дальнейшем ходе войны. Содержит нецензурную брань.

© Ковалев В. Н., 2020

© Автор, 2020

Валерий Ковалев Агент Абвера

Не думай о секундах свысока.
Наступит – сам поймешь, наверное:
Свистят они, как пули у виска,
Мгновения, мгновения, мгновения.

У каждого мгновенья свой резон,
Свои колокола, своя отметина.
Мгновенья раздают – кому позор,
Кому – бесславье, а кому – бессмертие!

(Роберт Рождественский)

Глава 1. Лубянка

«В течение 24-го июня противник продолжал развивать наступление на Шауляйском, Каунасском Гродненско – Волковысском, Кобринском, Владимир – Волынском и Бродском направлениях, встречая упорное сопротивление войск Красной Армии.

Все атаки противника на Шауляйском направлении были отбиты с большими для него потерями. Контрударами наших механизированных соединений на этом направлении разгромлены танковые части противника и полностью уничтожен мотополк.

На Гродненско-Волковысском и Брестско-Пинском направлениях идут ожесточённые бои за Гродно, Кобрин, Вильно, Каунас.

На Бродском направлении продолжаются упорные бои крупных танковых соединений, в ходе которых противнику нанесено тяжёлое поражение.

Наша авиация, успешно содействуя наземным войскам на поле боя, нанесла ряд сокрушительных ударов по аэродромам и важным военным объектам противника. В боях в воздухе нашей авиацией сбито 34 самолёта.

В Финском заливе кораблями Военно-Морского Флота потоплена одна подводная лодка противника.

В ответ на двукратный налёт на Севастополь немецких бомбардировщиков с территории Румынии советские бомбардировщики трижды бомбардировали Констанцу и Сулин.

В ответ на двукратный налёт немецких бомбардировщиков на Киев, Минск, Либаву и Ригу советские бомбардировщики трижды бомбардировали Данциг, Кенигсберг, Люблин, Варшаву и произвели большие разрушения военных объектов. Нефтебазы в Варшаве горят.

За 22-е, 23-е и 24-е июня советская авиация потеряла 374 самолёта, подбитых, главным образом, на аэродромах. За тот же период советская авиация в боях в воздухе сбила 161 немецкий самолёт. Кроме того, по приблизительным данным, на аэродромах противника уничтожено не менее 220 самолётов».

(Сообщение Советского Информбюро за 24 июня 1941 года)

В ночном небе над Москвой висели аэростаты, шел четвертый месяц войны.

На Лубянке, в одном из кабинетов с затененными светомаскировкой окнами, за столом в желтом пятне света сидел лет тридцати пяти, крепкого сложения человек. С петлицами стар-

шего майора госбезопасности*, тремя орденами и знаком «Заслуженный работник НКВД» на коверкотовой гимнастерке. Фамилия его была Судоплатов, должность – начальник 2-го отдела НКВД СССР.

Это был опытный сотрудник контрразведки, начавший свой боевой путь мальчишкой еще в Гражданскую войну. Сначала рядовым бойцом, потом сотрудником Особого отдела* и оперативником губернской ЧК. Далее началась служба в центральном аппарате и выполнение спецзаданий в европейских странах – ликвидация основателя ОУН* Коновальца и предавшего идеи большевизма Троцкого*.

В настоящее время он возглавлял отдел, занимавшийся разведкой, контрразведкой и организацией диверсионной деятельности в тылу противника.

Перед чекистом лежало дело оперативной разработки в глянцевого обложке, которое он внимательно изучал, делая временами карандашом отметки в блокноте.

Разработка именовалась «Монастырь» и имела далеко идущие цели.

Месяц назад нарком НКВД Берия, желая скрасить мрачные настроения Сталина от чудовищных поражений Красной армии на фронтах, докладывал вождю об успехах наркомата в борьбе с немецкой агентурой, забрасываемой в их тылы, выявленных и уничтоженных резидентурах, диверсантах и вредителях.

Вождь молча слушал, расхаживая по кабинету, а потом, подойдя вплотную к наркому, сказал, – плохо, Лаврентий, очень плохо.

– Не понял товарищ Сталин? – побледнел тот лицом.

– Ты работаешь по хвостам, как в игре казаки-разбойники. Одни бегут, вторые догоняют. А нужно совсем другое.

– Что именно? – вытянулся нарком.

– Упреждать. Для чего иметь своих людей там, где готовятся эти планы и своевременно получать от них сведения. А при необходимости дезинформировать противника и срывать его планы. Ты меня понял? (недобро блеснул глазами).

Что означает этот блеск, Берия хорошо знал и внутренне похолодел, – так точно, товарищ Сталин!

– В таком случае иди, я жду результатов.

Деревянно пошагав к двери, нарком чувствовал спиной взгляд Хозяина*. В нем таилась угроза.

Вернувшись из Кремля на Лубянку, он тут же вызвал своего заместителя Абакумова, руководившего Особыми отделами* и Судоплатова, учинив обоим начальственный разнос.

– Заберите свою филькину грамоту! – швырнул на стол подготовленную для доклада вождю справку. – Это не работа, детский лепет! Мне нужно упреждение! А именно агентурные позиции в абвере*, который ведет к нам заброску агентуры и устраивает диверсии!

– Лаврентий Павлович... – открыл было Абакумов рот.

– Молчать! – грохнул кулаком по столу нарком. – Немедленно продумать и дать конкретные предложения! Срок неделя! Пока свободны!

– Есть! – вздернули оба подбородки, повернувшись через левое плечо, заскрипели сапогами к двери. Миновав приемную со скучающим у телефонов адъютантом, вышли в овальный с ковровой дорожкой коридор и молча разошлись в разные стороны.

Оба недолюбливали друг друга. Судоплатов считал Абакумова выскочкой и костоломом. В органы тот пришел с комсомольской работы в 1932-м и несколько лет служил оперуполномоченным в ГУЛАГе*. Потом занимался контрразведывательным обеспечением штабов и был начальником Ростовского управления НКВД, где проявил себя спецом по выбиванию из подследственных признательных показаний. Нарком это качество ценил и забрал умельца к себе заместителем.

Абакумов в свою очередь завидовал Судоплатову как опытному разведчику-нелегалу не один год проработавшему за границей и осуществившего там ряд блестящих операций.

И не безосновательно. У того уже имелось то, что требовал с подачи вождя нарком. А именно оперативная разработка с кодовым названием «Монастырь». Заведена она была в июле и ставила своей целью внедрение чекистской агентуры в немецкую военную разведку.

Для этого создали фиктивную антисоветскую организацию, дав ей название «Престол», якобы искавшую контакты с германским верховным командованием. Несмотря на основательные чистки, многие представители русской аристократии остались в живых, но все были под оперативным наблюдением.

Выбор пал на князя Глебова, некоего Садовского и его жену, нашедших пристанище в Новодевичьем монастыре, где те общались с кругом своих знакомых. Никакой антисоветской деятельности не вели, контакты сводилось к ностальгическим воспоминаниям и ожиданию прихода немцев.

Князь был в преклонном возрасте, но ясен умом, деятелен и пользовался авторитетом в кругах остатков былой аристократии. Ему не надо было доказывать преданность монархии.

В подшивке журнала «Нива» за 1913 год имелся номер, посвященный приезду Николая II в Кострому по случаю 300-летия дома Романовых. На большой фотографии князь приветствовал царя от имени русского дворянства.

Второй человек в организации, Борис Александрович Садовской являлся поэтом «серебряного века»*, в тридцатые годы ОГПУ* ликвидировало три монархические ячейки молодежи, группировавшиеся вокруг него, имевшие прогерманские настроения. От всего этого литератора хватил удар, и он передвигался в инвалидной коляске.

Под стать Садовскому была и его жена – Надежда Ивановна Воскобойникова, в прошлом близкая фрейлина императрицы. После ареста царской семьи она вошла в тайное общество по ее спасению, получившее для этого восемь миллионов долларов от американцев. Однако попытка не удалась, а вскоре всех Романовых расстреляли.

Как и Глебов, Садовские состояли под негласным надзором в целях их возможного оперативного использования. Теперь такой момент настал, требовался катализатор.

Когда напольные часы в простенке гулко пробили десять вечера, Судоплатов перевернул очередную страницу, заложив ее карандашом, открыл лежавшую рядом коробку «Казбека» и достал оттуда папиросу, став разминать пальцами.

В обитую дерматином дверь напротив раздался стук.

– Да! – прикусив мундштук, чиркнул спичкой.

– Разрешите, товарищ старший майор? – шагнул из тамбура цыганистый старший лейтенант госбезопасности с картонной папкой в руке.

– Входи, Михаил, присаживайся, – выпустил ноздрями дым.

Офицер (фамилия его была Маклярский) прошел вперед, уселся за приставной стол и положил папку перед начальником – Вот, Павел Анатольевич, подобрал из своих агентов кандидата для введения в разработку.

Старший лейтенант являлся достаточно молодым, но умным и хватким оперативником. В органы пришел в конце двадцатых, хорошо себя зарекомендовал себя на «земле»*, за что был переведен в центральный аппарат, где служил под началом Судоплатова начальником 1-го отделения.

– Поглядим, – открыл ее старший майор и стал внимательно читать лежавшую внутри отпечатанную на машинке справку с грифом «совершенно секретно».

Там значилось «Демьянов Александр Петрович, псевдоним «Гейне. Родился 19 октября 1910 года в Санкт-Петербурге. Русский, из дворян, потомок казачьего атамана Головатого. Отец – есаул царской армии, умер от ран в Первую мировую, мать Мария Николаевна, урожденная Кульнева – дворянка, выпускница Бестужевских курсов.

Полтора года обучался за границей, а потом в Ленинградском политехническом институте, откуда был отчислен как «социально чуждый элемент» и в 1929 году завербован ОГПУ. Жена – Татьяна и тесть, профессор Березанцев, также являются секретными сотрудниками.

В 1930-м Демьянов переведен на работу в Москву, работает инженером-электриком на «Мосфильме». Вхож в артистические круги, по заданию разведки устанавливает контакты с иностранными журналистами, дипломатами и театрально – художественной богемой, активно участвуя в их разработках. Свободно владеет немецким и французским языками. Обучен формам и методам агентурно-оперативной деятельности, в том числе с иностранцами. Смел, инициативен, хладнокровен»

Ниже «начальник 1-го отделения 2 отдела НКВД СССР, старший лейтенант государственной безопасности Маклярский М.Б.» и размашистая подпись.

– Интересная кандидатура, – положив бумагу в папку, вернул ее отделенному начальнику. – Организуй мне завтра с этим Гейне контрольную встречу*.

– На какое время?

– В девять утра.

– Есть, – встал тот со стула и, забрав документы, покинул кабинет. Лампа на столе горела пока за шторами не засерел рассвет, а потом погасла.

Следующим утром, прохладным и туманным, по Садовому кольцу неслась защитного цвета «эмка»*. Оно было пустынным, изредка встречались автомобили, в основном военные, на площади Маяковского с оборудованных огневых позиций в небо уставились длинными стволами две зенитки и бинокль наблюдателя.

Миновав площадь машина, сбавив скорость, свернула в узкий неприметный переулок и, скрипнув тормозами, остановилась. Хлопнули дверцы, из нее вышли Судоплатов с Маклярским.

Чуть позже оба поднимались по ступеням лестничного марша одного из жилых домов за углом. На площадке третьего этажа остановились, старший лейтенант вынул из кармана ключи и отпер одну из четырех, выходящих туда дверей.

В прихожей оба сняли черные кожаные плащи с фуражками, повесив на крючки, прошли в одну из комнат, где начальник отделения щелкнул выключателем. Двух рожковая люстра осветила неярким светом матово блестящую там старинную мебель, вытертый ковер на полу и несколько копий картин Айвазовского на стенах.

Судоплатов уселся на один из венских стульев у стола и принялся листать лежавший там свежий номер «Огонька», Маклярский ушел на кухню, откуда вскоре тонко засвистел чайник.

Ровно в назначенное время в квартире раздались три коротких звонка, старший лейтенант, сняв цепочку и отперев дверь, впустил посетителя. Они молча кивнули друг другу, тот расстегнул осеннее пальто и вместе со шляпой поместил на вешалку, вслед за чем был препровожден в комнату, где находился начальник.

– Будем знакомы, я Павел Анатольевич, – отложив в сторону журнал, встал и протянул тот руку.

– Александр Петрович, – с достоинством пожал ее агент.

На вид ему было лет тридцать, тонкие черты лица выдавали аристократа, фигура подтянутая и спортивная. Одет был в темный элегантный костюм в елочку, светлую с полосками сорочку и при галстуке. Расселись за столом, завязалась непринужденная беседа. В ее ходе Судоплатов выяснил еще целый ряд фактов биографии Гейне, помимо указанных в справке.

Как оказалось, языкам Александра обучили мать и гувернантка, остзейская* немка, а первым наставником и учителем в разведке был Рудольф Абель*, которого Судоплатов знал лично и глубоко уважал. Помимо прочего агент увлекался конным спортом и имел на Московском ипподроме скаковую лошадь, что использовал для установления связей с работниками

зарубежных дипломатических ведомств и торговых представительств. Псевдоним «Гейне» при вербовке избрал сам, поскольку увлекался его поэзией и знал наизусть многие произведения.

– Ну что же, для первого знакомства вполне достаточно, Александр Петрович, – констатировал начальник, – а теперь перейдем к вашему очередному заданию. Предупреждаю, оно весьма опасное, поскольку предполагает работу во вражеском тылу и в случае провала – вас ожидают пытки и смерть, фашисты в таких случаях не церемонятся.

– Я готов, – бесстрастно ответил собеседник.

– Позволю заметить, Павел Анатольевич, – вступил в разговор Маклярский, – с товарищем Демьяновым я работаю второй год, и в первые дни войны он потребовал отправки на фронт, что было обещано, но по линии разведки.

– В таком случае наши желания совпадают, – чуть улыбнулся начальник. – А теперь, Александр, слушайте и вникайте.

Спустя час, подробно изложив план операции, он поинтересовался, – есть ли вопросы?

– Имею два, – взглянул Демьянов на Судоплатова, – что будет с фиктивной группировкой стариков?

– Она под нашим наблюдением и безвредная. Так что пусть предаются ностальгии и мечтают, это не возбраняется. Слушаю второй?

– Хотелось бы побольше узнать про обстановку за линией фронта, она мне известна только в общих чертах.

– За это можете не беспокоиться, вся необходимая информация будет предоставлена.

Встреча с перерывом на чай с сушками продолжалась до полудня, а когда все детали обсудили, стороны распрощались, и Маклярский конспиративно выпустил агента из квартиры.

– Ну, как вам Гейне? – вернувшись из прихожей, вновь присел за стол.

– Поживем-увидим, – ответил старший майор. Начальник не любил давать поспешных оценок.

По прошествии недели они вместе с Абакумовым сидели в приемной Берии.

Три года назад он сменил на этом посту Ежова*, а до этого возглавлял соответствующие наркоматы в Закавказье, где проявив себя, был замечен Сталиным, и тот сделал его главой Лубянки. Новый нарком тут же отменил политику «Большого террора»*, проводимую прежним, назначил на руководящие посты своих людей и создал мощную агентурную сеть советской внешней разведки в Европе, Японии и США. По натуре был жестоким, отличался высокой работоспособностью, с подчиненными был груб, но справедлив.

Его адъютант, полковник Саркисов что-то записывал в журнале, время от времени отвечая на звонки «нарком занят».

Тот уже час допрашивал у себя бывшего командующего 34-й армией генерал – майора Качанова. В результате ударов превосходящих сил вермахта под Старой Руссой его армия отошла на реку Ловать, а затем в район Демянска.

Для расследования обстоятельств поражения на Северо-Западный фронт выехала комиссия уполномоченных Ставки Верховного Главнокомандования во главе с армейским комиссаром 1 ранга Мехлисом* обвинившая Качанова в самовольном отводе войск и пораженческих настроениях. Генерала арестовали, доставили в Москву, и теперь в отношении него велось следствие.

Председатель комиссии Мехлис, он же заместитель народного комиссара обороны и начальник Главного политуправления РККА, до революции являлся членом рабочей сионистской партии «Поалей Циан». С началом Гражданской войны стал большевиком и обрелся в Гражданскую войну политработником в штабах. Затем несколько лет был личным секретарем Сталина, утвердившим его на эту должность. Высшим руководством Красной Армии Лев Захарович по праву считался цербером*. Являясь болезненно подозрительным мстительным и

жестоким, он видел вокруг только врагов и вредителей, требуя в лучшем случае снятия таких с должностей, а в худшем расстрела.

Наконец в высокой двери тамбура послышались шаги, она отворилась. Сначала появился конвойный сержант с тяжелой кобурой на ремне, за ним подследственный в синих галифе, распоясанной гимнастерке со следами крови и споротыми петлицами, замыкал процессию второй конвойный.

Когда она вышла из приемной, на столе адъютанта тренькнул телефон, – слушаю, Лаврентий Павлович (приложил к уху трубку). – Есть, – опустил на рычаг и взглянул на ожидавших, – проходите. Те встали, одернув мундиры, и скрылись за начальственной дверью.

– Каков подлец! – встретил их Берия, нервно расхаживая по кабинету. – Бежал с армией с поля боя как заяц и не признает вины. Явный враг народа!

Остановился у резной тумбы в углу, налил из бутылки в стакан боржома, жадно выхлебал – садитесь.

Когда отодвинув стулья, оба присели за приставной стол, грузно опустился в кресло своего, – докладывай Абакумов, ты первый.

– Согласно вашему указанию Лаврентий Павлович, военная контрразведка пересмотрела свою стратегию и разработала новую. Она позволит более активно...

– Кончай миндальничать, ближе к телу, – резко оборвал его нарком.

– Понял, – втянул в голову в плечи комиссар госбезопасности и доложил конкретику. Согласно ней всем Особым отделам фронтов армий и флотов предписывалось подобрать и забросить в тыл противника агентов с последующим их внедрением в части вермахта, вспомогательные войска, полицию и гестапо. Основной задачей для них поставить сбор информации о школах подготовки диверсантов на оккупированных территориях, проникновению в них, получению информации о личном составе и командовании, передаче ее в центр.

– И сколько таких агентов планируется к заброске? – сложил руки на груди Берия.

– Для начала по десятку с каждого фронта.

– Когда можно ожидать первых результатов?

– Месяца через три-четыре

– Ну что же, принимается, – пожевал губами нарком и дополнил сказанное несколькими дельными указаниями, которые Абакумов тут же аккуратно записал в блокнот.

«Да. Что-что, а дело в отличие от Ежова, он знает», подумал Судоплатов много раз убеждавшийся в этом, докладывая закордонные разработки и планы их реализации. Берия схватывал все на лету, всегда улавливал главное. Прежний же нарком, мстительный и злобный недомерок, оперативную работу знал слабо, компенсируя отсутствие опыта личной преданностью вождю, интригами и звериной жестокостью.

– Теперь послушаем разведку, – перевел на него холодный взгляд хозяин кабинета.

– У нас, товарищ Берия, аналогичные предложения, направленные в территориальным управлениям НКВД. А кроме того уже имеется разработка «Монастырь» имеющая целью внедрить агента сразу в Абвер, – коротко доложил старший майор.

– Вот как? – блеснули стеклами пенсне. – Поподробнее, Павел Анатольевич это интересно.

– Надеюсь, вы помните дела по монархическим организациям, группировавшимся в тридцатых вокруг Садовского?

– Как же, помню. Молодые фашисты, мы их всех выявили и расстреляли. А этого поэта «серебряного века» с женой фрейлиной, оставили на потом. Получается, пригодились?

– Именно, – кивнул Судоплатов и подробно доложил перспективы разработки.

– То-есть сразу в дамки? – оживился нарком. – А почему не доложили раньше?

В отличие от большинства своих подчиненных, нарком всегда называл его на «вы», подчеркивая тем самым уважительное отношение.

– Подбирали агента для внедрения, чтобы мог заинтересовать немцев, – ответил старший майор.

– Когда планируете к заброске?

– Через месяц.

– Ну вот, Абакумов, – учись, как надо, – взмахнув рукой, довольно изрек Берия. – Пока ты пишешь свои указания, Судоплатов уже действует.

– Я это учту, – налился краской контрразведчик.

– Значит так, – забарабанил пальцами по столу нарком. – Немедленно подготовьте мне по этому вопросу развернутую справку, буду докладывать Хозяину*.

– Разрешите вопрос? – поворочал Абакумов шеей.

– Давай.

– Почему бы эту разработку не передать нам? По ней придется взаимодействовать с Генштабом, а его обслуживает военная контрразведка.

– Очень уж ты хитрый, Виктор Семенович. Хочешь и рыбку съесть и на х.. сесть, – рассмеялся нарком. – Не выйдет. А вы, Павел Анатольевич докладывайте мне результаты еженедельно, беру «Монастырь» на личный контроль. На этом все. Больше не задерживаю.

Спустя час, приняв еще двух начальников и учинив одному разнос, он внимательно читал многостраничный документ с визами исполнителей на обороте. Завершив, взял авторучку и поставил внизу последней страницы, где через два пробела значилось «Народный комиссар Внутренних дел СССР Берия», размашистую подпись.

Встав из кресла, запер справку в массивный сейф, а затем позвонил по «вертушке» Поскребышеву* в Кремль, записавшись на прием к Сталину на 23.00 вечера. Рабочий день вождя составлял пятнадцать-шестнадцать часов в сутки и заканчивался глубокой ночью. В таком же режиме трудились ЦК партии, Совет народных комиссаров, наркоматы и нижестоящие госструктуры. Ну а кто не выдерживал, от того освобождались, не взирая на прежние заслуга.

За десять минут до назначенного времени черный лаковый «паккард» Берии, тихо урча мотором, поднялся по брусчатке от ГУМа к Спасской башне. Охрана взяла под козырек, автомобиль въехал в темную арку ворот, повернув направо и, высветив сосновую аллею, остановился у Сенатского дворца с темными рядами окон.

Это парадное здание в Кремле, построенное известным архитектором Казаковым по воле императрицы Екатерины Великой, теперь использовалось как резиденция Совнаркома.

Нарком вышел из салона и потянул на себя дубовую, с начищенной бронзовой рукояткой дверь. В фойе из-за стола вскочил подтянутый лейтенант госбезопасности, вскинув к фуражке с синим околышем руку.

Берия молча кивнул, снял в раздевалке верхнюю одежду и, пригладив перед зеркалом волосы, поднялся мраморными ступенями на второй этаж. Здесь его приветствовал второй страж (снова кивнул) и направился по алой ковровой дорожке в приемную.

Там, сидя за обширным столом с телефонами и стопкой документов, что-то записывал в журнал приема средних лет лысый человек с одутловатым лицом, в темном габардиновом костюме.

– Кто сейчас у Хозяина? – пройдя к столу, пожал руку Поскребышеву нарком.

– Товарищ Калинин, – бесцветно ответил тот.

– Обождем, – уселся на один из мягких стульев у боковой стены, положив на колени тисненой кожи папку. – Много записано на прием?

– Еще трое после вас, – поднял секретарь набрякшие глаза, оба замолчали.

Этот неприметной внешности человек много лет бывший помощником Сталина являлся ходячей энциклопедией и мог ответить на любой вопрос, который ему задавали. К тому же

имел феноменальную память, пользовался доверием вождя и нарком лелеял тайную мечту сделать его своим осведомителем. Но пока опасался.

В трубах отопления чуть потрескивал пар, маятник старинных каминных часов в углу размеренно отстукивал течение времени, навевая дрему и покой. На пятнадцатой минуте ожидания дверь, ведущая в кабинет Сталина, бесшумно отворилась, оттуда появился сухощавый старичок в очках и с козлиной бородкой.

– Здравствуйте Михаил Иванович, – встав, приветствовал Всесоюзного старосту нарком.

Официально тот был вторым после Сталина руководителем государства, но мало что решал. В революцию Калинин вошел вместе с Лениным, считался хорошим организатором и пропагандистом, но силой характера не отличался. Еще в 38-м его жена была арестована по подозрению участия в террористическом заговоре и находилась в тюрьме, но муж никаких мер к ее освобождению не принимал.

– Рад видеть, Лаврентий – сунул ему Калинин худую руку и засеменял начищенными штилетами к выходу. На столе у Поскребышева брякнул телефон, – заходите, товарищ Берия, сняв трубку, взглянул на наркома.

Тот встал, пробежал пальцами по мундиру с гербованными пуговицами и решительно вошел в кабинет Верховного.

– Здравия желаю, товарищ Сталин! – вытянулся у входа.

– И тебе не хворать, проходи, присаживайся, – послышался в ответ гортанный голос.

Кабинет вождя был просторным, с хрустальной под потолком люстрой, отделанными мореным дубом стенами и портретом Ленина над рабочим местом; цветной картой боевых действий в простенке и длинным столом для совещаний под зашторенными бархатными портьерами окнами.

– С чем пожаловал? – шевельнул усами вождь, ломая над коробкой папиросы «Герцеговина Флор» и набивая душистым табаком трубку.

– Доложить о перестройке работы наркомата в борьбе с немецкой агентурой, диверсантами и вредителями (присев за приставной стол, извлек Берия из папки машинописные листы справки).

– Слушаю, – чиркнул тот спичкой и зачмокал губами, раскуривая трубку.

Доклад длился ровно час и все это время отец народов молчал, время от времени окутываясь синеватым дымом. Лицо оставалось беспристрастным, рысьи глаза с прищуром ничего не выражали.

Закончив, нарком вернул справку в папку и закрыл ее, в кабинете наступила напряженная тишина, а затем Верховный пожевал губами, – годится для начала. – Кстати, а почему этот Садовской жив? Помнится, он проходил у вас по нескольким делам, где всех участников расстреляли.

«Ну и память», мелькнула в голове наркома, а вслух ответил, – оставили для возможного оперативного использования товарищ Сталин, и теперь он очень пригодился.

– Выходит так, – раздумчиво сказал вождь. – Но почему только одно дело, да и то по линии Судоплатова, где военная контрразведка? У тебя Абакумов что, вообще мышей не ловит? В таком случае подбери другого заместителя. Мне нужен результат. Результат, ты понял? (сдвинул густые брови).

– Понял, – нервно дернул щекой нарком. – Результат обязательно будет.

– Хорошо, иди, а справку оставь, я почитаю. И еще, доклад о проделанной работе на этом участке ежемесячно, – похлопал по столу ладонью.

– Слушаюсь, товарищ Сталин. Разрешите идти?

– Иди, – последовал кивок. – Желаю удачи.

Когда за наркомом закрылась дверь, он встал, подошел к окну, чуть отодвинув штору, и стал задумчиво смотреть на прыгающих за стеклом по веткам снегирей, празднично смотревшихся на фоне снега.

И в памяти всплыла довоенная пора, Закавказье. В тот год он отдыхал на правительственной даче в Абхазии и решил устроить в резиденции праздник. Помимо руководителя республики Лакобы, туда были приглашены Ворошилов с Калининым, Берия и ближайшее окружение, многие с женами.

Накрытый в главном зале стол ломился от яств и горячительных напитков, выступал ансамбль местных танцоров, было весело и непринужденно. Гости поочередно произносили за здоровье вождя тосты, изощряясь в красноречии. Когда очередь дошла до наркома Оборона, тот произнес здравницу, выпил свой бокал, после чего в восторге и под винными парами, дважды пальнул из револьвера в висевшую над столом зала люстру.

Кто-то из женщин взвизгнул, вниз посыпались мелкие осколки хрусталя, вино в бокалах припорошила штукатурка все глядя на вождя замерли.

– Да Клим, – невозмутимо разгладил он усы, – хоть ты и главный «Ворошиловский стрелок», а мазила. Попал в белый свет, как в копейку.

Маршал, покраснев как рак, сунул револьвер в кобуру и молча сел, а Сталин повернулся к сидевшему рядом Лакобе.

– Нестор, покажи, как надо стрелять. Пусть учится.

– Просим! – вновь развеселились и захлопали в ладони гости.

Герой Гражданской войны, устанавливавший советскую власть в Абхазии, слыл непрезойденным снайпером. Он было стал отказываться, но хозяин настоял, бурно поддерживаемый остальными. Лакоба махнул стоявшему у одного из окон распорядителю (тот быстро подошел) и что-то прошептал ему на ухо.

Распорядитель испарился, через минуту возник снова, в сопровождении курчавого повара в белом, турка – месхетинца*. Он держал в руке блюде с куриным яйцом.

Пара отошла в дальний конец зала, начальник взял из рук повара блюде и угнездил в его шевелюре яйцо. Лакоба поднялся из-а стола, достав свой револьвер, прицелился – грохнул выстрел, по лицу месхетинца потек желток.

– А-а-а! – восторженно завопила публика, а он подойдя потрепал того по плечу, – молодец! Иди работай дорогой.

Вождь попросил наполнить бокалы и поднял свой. – За тебя Нестор, ты наш Вильгельм Телль и, не отрываясь, выпил.

Потом картина растворилась, на ветках снегири клевали ягоды рябины, вождь вернулся к текущим делам...

Назад Берия возвращался в противоречивых чувствах. С одной стороны доклад прошел относительно удачно, но хорошо зная Сталина, он понимал, в случае отсутствия результата и перелома в борьбе с Абвером головы ему не сносить. Он вспомнил Ягоду с Ежовым и поежился, их судьба была не завидной.

Глава 2. Две обители

«Садовской – писатель, живет с женой в приюте Красной церкви Новодевичьего монастыря, в келье, перегородженной занавеской, за которой находится его библиотека. При советской власти не опубликовал ни одного произведения. Все их складывает в шкаф. Получает пенсию от Союза писателей за прошлые заслуги. Он и жена связаны с церковно-монархическими кругами старцев – бывших монахов и монахинь, которые, находясь в глубоком подпо-

лье, пытаются влиять на массы верующих в антисоветском духе. Настроены пораженчески и с нетерпением ждут врага.

Получив от Садовского предложение об установлении связи с немцами, я по вашему указанию дал на то согласие, после чего Садовской поручил мне подобрать группу надежных лиц для использования их в целях установления связи с немцами и проведения антисоветской работы в Москве».

(Из агентурного сообщения агента «Старик»)

Над столицей с хмурого неба сеялся первый снег, редкие удары колокола Смоленского собора Новодевичьего монастыря звали паству к вечерне.

Основанная великим князем Василием III четыре века назад, обитель, куда впоследствии Рюриковичами с Романовыми *насильно ссылались их опальные жены и обращались в инокини*, с приходом большевиков стала филиалом Исторического музея, но небольшая часть насельниц* в ней осталась. Сохранился и приют для бездомных, в том числе дворянского сословия, потерявших в годы революции свое жилье.

В первый же день войны митрополит Московский и Коломенский Сергей, отслужил в Богоявленском кафедральном соборе воскресную литургию, призвав верующих и весь русский народ дать отпор фашистской нечисти, а после разослал аналогичное воззвание «Пастырям и пасомым Христианской Православной Церкви» по всем приходам. Власть это оценила и дала разрешение открыть ранее закрытые в стране храмы с проведением в них богослужений.

По аллеям и тропинкам обители на звуки колокола группами и поодиночке шли верующие, как правило, старики и люди средних лет, чтобы вознести Господу свои молитвы за сражавшихся на фронтах родных и близких.

В их числе следовал и Демьянов, в зимнем суконном шлеме со звездой, длинной комсомольской шинели, перетянутой ремнями и небольшим саквояжем в руке. Миновав собор, он свернул в боковой проход и спустя короткое время спустился по ступеням в притвор* Красной церкви.

Уже вторую неделю Гейне общался с членами «Престола», в круг которых его ввел их близкий друг, являвшийся агентом НКВД с псевдонимом «Старик». Он состоял при Историческом музее реставратором и, помимо основной деятельности, наблюдал за всеми, кто жил в монастыре.

Демьянов был представлен князю и Садовским как человек монархических взглядов и дворянин, а еще почитатель таланта Бориса Александровича.

На первой же встрече молодой человек весьма понравился Надежде Ивановне, весьма импозантной даме, галантно поцеловав ей руку и выдав несколько комплиментов.

– О мон шер*, – жеманно сказала она с прононсом, – в вас чувствуется благородное воспитание.

– Немного есть, – улыбнулся Александр. – Я из старинного рода атамана Головатого*, отец был царским казачьим офицером, а мать выпускница Бестужевских курсов.

– Они живы?

– Увы. Отец умер от ран, полученных на германском фронте в пятнадцатом, мама проживает в Ленинграде.

– Чем занимаетесь молодой человек? – близоруко щурясь, поинтересовался Глебов.

– Работаю инженером-электриком на «Мосфильме».

– Любите кинематограф?

– Весьма, но больше поэзию серебряного века, например это. И с пафосом прочитал

Но призрак жив и будет жить всегда.

О Николай, порфиры ты достоин,
Непобедимый, непреклонный воин,
Страж-исполин державного гнезда.

В деснице меч, над головой звезда,
А строгий лик божественно-спокоен.
Кем хаос европейский перестроен?
Сжимает пасть дракону чья узда?

Как в этом царстве благостного мира
Окрепил кисть, резец, перо и лира,
Как ждал Царьград славянского царя!

Но черная опять проснулась сила
И, торжествуя смерть богатыря,
Чудовище кровавое завывало.

с горечью завершил последние строки.

– Bravo, bravo, – захопала в ладони Надежда Ивановна, а все это время молчавший Садовской умилился, – да это же мой «Николай Первый»! А что еще знаете?

– Из ваших стихов практически все, они достойны восхищения.

– Спасибо, весьма тронут, – порозовел бледными щеками литератор.

Потом все вместе пили чай с крыжовенным вареньем и долго беседовали о прежних добрых временах и тревожном настоящем. А еще нелестно отзывались о советской власти, уповая на грядущие перемены.

С того дня Александр начал часто бывать в компании былых аристократов, став своим человеком. В один из вечеров, когда играли за столом в вист* князь, в очередной раз, сдавая карты, поинтересовался, как Александр относится к большевикам.

– Большевики, Юрий Петрович, лишили меня будущего. Как я по-вашему должен к ним относиться?

– А к немцам? – поднял на него выцветшие глаза литератор.

– Нормально. Они цивилизованная нация и несут России освобождение.

– Мы тоже так считаем, – рассматривая в руках взятку, – сказала бывшая фрейлина, а князь тяжело вздохнул, – жаль не можем им помочь.

На следующее утро, встретившись с Судоплатовым на явочной квартире, Гейне рассказал о состоявшемся разговоре и тот усмехнулся, – этого следовало ожидать. Так что переходим к завершению внедрения.

Миновав длинный ряд глухих дверей в мрачном сводчатом коридоре, по которому изредка шмыгали похожие на ворон монахини, Александр остановился у предпоследней и постучал в нее костяшками пальцев.

– Да, – неясно послышалось изнутри, открыл и вошел в просторную келью.

Садовской, в свете семилинейной* лампы что-то писал сидя в инвалидной коляске, а его жена, расположившись напротив, неспешно раскладывала пасьянс*.

При виде Александра в красноармейской форме оба открыли рты.

– К-как прикажете вас понимать? – сглотнул слюну литератор, а Надежда Ивановна побледнела.

– Да не пугайтесь вы так – успокоил чету гость. – Меня призвали в армию, отправляют на фронт, зашел с вами попрощаться.

– Ах вот оно что, – первой опомнилась дама, и на ее лицо вернулись краски жизни. – Милости просим, Саша, раздевайтесь.

Демьянов, расстегнув португую, повесил шлем с шинелью на крючок, а потом с саквояжем в руке прошел к столу, куда поочередно выложил качалку колбасы, пару банок сардин в масле, батон хлеба и в завершение поставил засургученную бутылку водки. – Купил по случаю у знакомого директора гастронома.

– И кто вы по званию? – покосился Борис Александрович на его алые петлицы.

– Младший лейтенант связи, буду воевать в пехоте. А почему не видно Юрия Петровича? (оглянулся по сторонам).

– Одну минуту, – покатился Садовской к тихо потрескивающей дровами голландке, взял прислоненную рядом кочергу и несколько раз стукнул в боковую стену.

Вскоре за дверью зашаркали шаги, она, чуть скрипнув, отворилась, в проеме появился князь в толстовке и обрезанных валенках на ногах. В отличие от Садовских виду гостя не удивился и, пожав тому руку, изрек, – значит, все-таки призвали?

– На днях получил повестку, – ответил Александр. – Решил зайти к вам попрощаться, а потом сразу к себе в часть.

– Что-что, а заставить за себя воевать они умеют – хмыкнул бывший предводитель дворянства. – Сучье племя.

– Фу, нехорошее какое слово, князь, – сморщила нос жена литератора.

– Какое племя, такое и слово, – пробурчал тот.

Затем Демьянов помог Надежде Ивановне накрыть стол, откупорив бутылку, разлил водку по стаканам и поднял свой, – за победу господи!

– Чью? – уставились на него три пары глаз.

– Тех, кого мы ждем, – осушил свой в три глотка.

Литератор с князем повторили, Надежда Ивановна чуть пригубила, стали закусывать консервами и пахнувшей чесноком краковской.

– Так получается, будете против них воевать? сжевал очередной ломтик Глебов.

– Совершенно верно, – разлил Демьянов оставшуюся водку. – До первого, так сказать, боя.

– А потом? – тихо спросила Надежда Ивановна.

Вместо ответа тот пробежал пальцами по столу.

– За это и выпьем, господи – заговорщицки сказал князь. И поднял стакан, – прозлит*. Затем крикнул «хорошо» и занюхал горбушкой батона.

Настроение у всех заметно улучшилось, а когда перешли к чаю, вскипевшему на плите, литератор поочередно взглянул на жену с князем (те согласно опустили глаза) и вплотную придвинулся к Александру.

– Если у вас получится, а мы будем за то молиться, передайте на той стороне, что мы ждем их, а если понадобится какая помощь – сделаем все, что в наших силах.

– Именно так, – решительно кивнули бывшая фрейлина с князем.

– Нынче в Германии в фаворе мой давний знакомый Кнут Гамсун*, – мечтательно сказал Садовский. – Нас познакомил Блок во время его приезда в Россию, и мы даже одно время состояли в переписке. Вот бы передать ему привет.

– Где-то там и друг моей юности полковник Улагай – томно вздохнула супруга. – Но это все в прошлом. А вот если в случае удачного исхода от вас придет весточка, мы будем очень рады, – мигнула пушистыми ресницами на Демьянова.

– Или человек с паролем – многозначительно добавил князь, вздев вверх палец.

– И каков пароль?

«Пути господни неисповедимы» (приблизил вплотную голову).

– Я запомню, – утвердительно кивнул Демьянов. – А что за полковник Улагай? – обратился к даме. – Это не тот, что командовал Кубанской армией у генерала Врангеля?

– Однофамилец, – мечтательно сказала та. – Его звали Кучук, из знатного черкесского рода, близкий друг албанского царя, сейчас где-то в Югославии.

– Ясно.

Спустя еще час он покинул единомышленников, сославшись, что в двадцать три часа нужно быть в части. На прощание бывшая фрейлина благословила Александра, литератор крепко пожал руку, а захмелевший князь облобызал в обе щеки.

Выйдя из монастыря тем же путем, Демьянов миновал площадь перед главным входом и свернул в ближайший переулок, где его ждал автомобиль, за рулем которого сидел Маклярский

– Ну как? – поинтересовался он, когда хлопнув дверцей, уселся рядом.

– Все идет по плану, они даже благословили меня на переход к немцам.

– Зашевелились тараканы, – хмыкнул старший лейтенант и, повернув ключ, включил зажигание. Эмка, заурчав мотором, тронулась с места, набрала ход и в сгущавшемся мраке понеслась к центру. В приглушенном свете фар кружились снежинки, по асфальту низко мела поземка.

– Да, ранняя в этом году зима, – переключил скорость оперативник.

– И к тому же морозная, – поплотнее укутался в шинель Гейне.

– Кстати, ты не читал в «Красной Звезде» очерк «Завещание 28 павших героев»?

– Нет. О чем он?

– О подвиге роты солдат генерала Панфилова. В ноябре, как известно, фашисты вышли к Волоколамскому шоссе, до Москвы оставался последний рывок. На этом участке оборону держала стрелковая дивизия генерала Панфилова и конница Доватора. Артиллерии у них практически не было, и когда немцы ввели в бой полсотни танков, против него выдвинули заслон из роты бойцов вооруженных стрелковым оружием гранатами и ПТР*. Бой был страшный. Пройти фашисты не смогли, герои сожгли пятнадцать бронированных машин и уничтожили до роты пехоты. Двадцать восемь из них погибли.

– Да, то настоящие герои, – откликнулся напарник. – Я бы, наверное, так не смог.

Миновав Белорусский вокзал, затемненный и с безлюдной площадью, выехали на пустынное Ленинградское шоссе, по которому изредка проезжали грузовые автомобили с бойцами в кузовах или грузами. Вскоре высотные дома с темными, заклеенными крест-накрест белыми полосами окнами закончились. У последнего стояли противотанковые ежи и зенитный пулемет-спарка, здесь у них проверили документы.

– Все нормально, можете следовать дальше, – махнул рукавицей старший поста в сторону полосатого шлагбаума. Один из бойцов в тулупе поднял его, автомобиль сделал между надолбами зигзаг и стал, урча, набирать скорость.

Теперь за стеклами была сплошная темень, лучи света высвечивали лишь местами разбитую гусеничной техникой, уносящуюся под колеса дорогу. Через десяток километров по сторонам возник высокий густой бор, а потом с левой стороны потянулся двухметровый сплошной забор с заиндевелой колючей проволокой сверху.

Автомобиль сбавил скорость и через пару сотен метров подвернул к дощатому стационарному КПП, дав короткий сигнал. Хлопнула входная дверь, к машине зарысил в синей фуражке и ватнике, придерживая кобуру на поясе сержант. Маклярский, опустив стекло, предъявил развернутое удостоверение.

Тот, подсвечивая фонариком, молча прочел и поспешил обратно. Через минуту створки металлической глухой двери с легким шорохом открылись, машина въехала на обширную территорию. Это был особо секретный объект высшей школы Наркомата Внутренних Дел СССР для подготовки разведчиков и диверсантов, забрасываемых в глубокий тыл врага. На местном жаргоне он звался «обитель».

Свернув от КПП в одну из нескольких, проложенных в бору аллей, «эмка» подкатила к двухэтажному с мезонином деревянному коттеджу под соснами и, не глуша двигатель, остановилась у входа.

– Ну, давай, Саша, отдыхай, – пожал руку Демьянову старший лейтенант, – а я назад в Москву, еще есть работа.

Хлопнув дверцей тот вышел из кабины и проскрипел по снегу к крыльцу коттеджа, а машина, развернувшись, мигнула подфарниками и исчезла во мраке.

Внутри, в холле, с задернутыми плотными шторами окнами и приглушенным светом, от высокой кафельной печи шло тепло, пахло сосновой смолой. Пошаркав сапогами по коврику у входа, Александр поднялся на второй этаж с коротким, в обе стороны коридором, остановился у одной из филенчатых дверей и, достав из кармана ключи, отпер номер.

Здесь он жил с того момента как руководством «Мосфильма» был отправлен в длительную командировку в Алма-Ату и тоже проходил перед заброской специальную подготовку. Доставив Гейне первый раз на объект, Маклярский подмигнул, – сейчас будет сюрприз, и он превзошел все ожидания.

Инструктором по подготовке оказался старый знакомый Рудольф Абель. Учитель с учеником тепло обнялись, но вопросов друг другу не задавали, что было обычным в их профессии.

Абель, из семьи российских немцев, имел блестящее образование, знал несколько языков и с 1927 года являлся кадровым сотрудником Иностранного отдела ОГПУ. Работал в нелегальных резидентурах Норвегии и Великобритании, где успешно занимался сбором разведанных, а еще был высокочлассным радистом и знатоком шифров. В годы ежовщины* его карьера ненадолго прервалась, а затем возобновилась внутри Союза. Теперь Рудольф Иванович готовил на специальном объекте разведчиков, диверсантов и партизан для заброски в тылы противника.

Их находилось здесь несколько десятков, все были на казарменном положении и проживали в таких же коттеджах, как Александр, упрятанных в бору. Занятия проводились в двух кирпичных двухэтажных зданиях со специально оборудованными классами, спортзалом и подземным тиром, а также на открытом полигоне. В классах читались специальные дисциплины, на полигоне и в тире велись практические занятия.

Курс подготовки был напряженный, по двенадцать часов в сутки, с перерывами на обед и ужин, длился он в зависимости от специализации от одного до трех месяцев. Общение между курсантами сводилось до минимума, фамилий друг друга не знали, обходились вымышленными именами и фамилиями.

Имевший необходимый оперативный опыт Демьянов, под руководством Абеля активно осваивал работу на передатчике. Особое внимание инструктор уделял работе на ключе на слух, правилам выхода на связь с разведцентром, методам шифровки и дешифровки радиogramм.

Дело облегчалось тем, что в свое время Гейне закончил три курса Ленинградского политехнического института по специальности инженер-радиомеханик. Уже спустя месяц он уверенно принимал и передавал двести знаков в минуту, в совершенстве знал рацию, основы и приемы шифрования.

Еще два инструктора занимались с ним подрывным делом, огневой подготовкой и рукопашным боем. Здесь все шло тоже достаточно неплохо, поскольку Александр был активным членом спортивного общества «Динамо» и «Ворошиловским стрелком»*.

Помимо названного, его ознакомили в спецчасти с имевшимися там документами о структуре абвера и гестапо, основными формами и методами их деятельности. В январе 42-го курс подготовки завершился, и на явочной квартире в Москве Судоплатов провел с Гейне подробный инструктаж.

Он касался порядка переброски агента в тыл немцев посредством сдачи в плен, акклиматизации и последующих действий.

– Главное, чтобы они поверили тебе, – попыхивая папироской, шурился от дыма начальник. – И заглотали наживку, она весьма заманчивая. При этом учти, будет обязательно проведена проверка, и, уверен, не одна, абвер это умеет.

– Легенда у меня реальная, – путь проверяют, – пожал Александр плечами.

– Это да, – затушив окурок в пепельнице Судоплатов. – Я имею ввиду и другое, проверку на лояльность.

– В смысле?

– Тебе могут предложить расстрелять нашего пленного офицера, комиссара или бойца. Что скажешь на это? (пытливо заглянул в глаза).

– Н-не знаю, – чуть побледнел агент.

– Расстреляешь, – жестко сказал начальник. – Или все дело насмарку. Это понятно?

– Но ведь то советский человек?

– Теперь нет. Всякий попавший в плен, изменник Родины и враг, как определил товарищ Сталин Тебе ясно? (чуть подался вперед)

– Ясно, – зло блеснул глазами Демьянов. – Расстреляю.

– Правильный ответ, – встал из-за стола старший майор. – Ночуешь здесь, все что нужно, в квартире есть. Завтра в пять утра за тобой заедет Маклярский. Ну, желаю удачи, до встречи, – крепко потрянул руку.

Когда он оставил квартиру, Демьянов долго не мог уснуть. За время секретной службы убивать ему приходилось – заброшенного в конце тридцатых диверсанта, отказавшегося сдаться. Здесь же было совсем другое. Но выбора не оставалось.

Глава 3. Нихт шиссен!*

17 февраля с.г. за линию фронта на Гжатском направлении по агентурному делу «Монастырь» был переброшен агент 4-го Управления НКВД СССР «Гейне» под видом курьера существующей в Москве церковно-монархической группы.

Направляя нашего агента к немцам от имени организации, мы имели в виду следующие задачи:

- 1) создать канал, по которому можно будет забрасывать нашу специальную агентуру в Германию и на оккупированную территорию;
- 2) дезинформировать германское командование о положении в СССР;
- 3) выяснить круг вопросов, интересующий германскую разведку в СССР.

Находясь на оккупированной территории в течение месяца, «Гейне» побывал в Гжатске, Смоленске и Минске.

15 марта с.г. «Гейне» с минского аэродрома на самолете был доставлен на нашу территорию и сброшен на парашюте в районе Рыбинска Ярославской области. Вместе с «Гейне» в самолете следовал германский разведчик-радист с рацией под кличкой «Краснов», прошедший специальную подготовку в Варшавской разведывательной школе.

На основании информации «Гейне» принятыми УНКВД по Ярославской области мерами «Краснов» был обнаружен, арестован и доставлен в Москву.

«Гейне» получил задание Смоленского разведывательного пункта вести на нашей территории активную военно-политическую разведку. Кроме того, он привез указания для монархической группы, заключающиеся в следующем:

- 1) активизировать антисоветскую пропаганду среди населения, всячески восхваляя гитлеровскую Германию и «новый европейский порядок»;
- 2) вести агитацию за немедленное окончание войны;
- 3) развернуть диверсионную и саботажническую деятельность;

4) приступить к созданию подпольных ячеек организации в промышленных и областных городах СССР.

Согласно легенде Гейне сообщил немцам, что организацией, от имени которой он послан, сконструирован в Москве радиопередатчик, который не может действовать из-за отсутствия кварцев. Перед отъездом немцы вручили агенту кварцы и телеграфный ключ, прося наладить его бесперебойную работу.

В целях самостоятельной работы на передатчике, его в течение двух недель обучали два немецких инструктора-радиста. Для передачи разведывательных сведений по радио немцы снабдили «Гейне» двумя шифрами и позывными.

Обер-лейтенант из Смоленского разведывательного пункта, который непосредственно работал с «Гейне», обещал для развертывания диверсионной работы прислать в Москву необходимое оружие, взрывчатые вещества и специальных людей.

В качестве явки для германской агентуры, которая будет направлена в Москву, «Гейне» сообщил немцам заранее подготовленный нами адрес отца его жены.

Агент отмечает большой интерес, проявленный работниками Смоленского разведывательного пункта в отношении формирования кавалерийских частей Красной Армии и наличия войск союзников на Западном фронте, и в частности в Москве.

Кроме того, немцы настойчиво просили его регулярно информировать их о результатах бомбежки Москвы, точно указывая, где упали и что разрушили германские бомбы.

В Гжатске, Смоленске и Минске «Гейне» собрал заслуживающие внимание военно-политические разведывательные данные.

Учитывая, что посылка «Гейне» за линию фронта дала положительные результаты, позволяющие рассчитывать на реализацию всех намеченных нами по этой легенде задач, целесообразно дальнейшую игру с германской разведкой продолжать.

Для укрепления легенды и положения «Гейне» в германских разведорганах следовало бы в ближайшие дни начать регулярную передачу немцам дезинформационных материалов.

(из Докладной записки начальника 4-го Управления НКВД СССР старшего майора госбезопасности Судоплатова заместителю народного комиссара Внутренних дел СССР)

По опушке посеченного осколками бора извилисто тянулась линия обороны, со стрелковыми окопами, ячейками и блиндажами. Впереди, теряясь в морозном тумане, расстилалось заснеженное обширное поле, с темневшими на нем заиндевевшими кустами и бурьяном. Там, в предрассветной мгле, тонко свистел ветер, гоня по насту колючую поземку.

В одном из блиндажей позади окопов, сидел за дощатым столом комбат Башкатов, в распоясанной гимнастерке, чистивший разобранный пистолет. Перед ним горела карбидная лампа*, в углу на снарядном ящике у раскаленной печки, клевал носом телефонист, в темном углу, на нарах, храпели несколько солдат.

Блиндаж был добротный, в три наката, обшит свежим тесом, на котором выступила янтарная смола. Еще месяц назад в нем обитал немецкий комбат, от которого остались забытые впопыхах патефон с пластинками и синего бархата альбом с тонкой серебряной пластиной, на которой значилось майор Эрих фон Хильден. В нем были пару десятков фотографий, на которых майор был снят с семьей на фоне готического замка в горах, а потом у греческого Акрополя и подножья Эйфелевой башни.

После изнурительных и продолжительных боев, наступление немцев под Москвой застопорилось. Часть группы «Центр»* была отброшена назад, Западный фронт, перегруппировавшись и укрепив позиции, готовился к наступлению. Ночью в батальон прибыло пополнение – маршевая рота сибиряков – лыжников, отдохавшая в землянках, в окопах находились только дежурные пулеметчики и боевое охранение.

Тихо насвистывая, Башкатов протирал масляной ветошью детали, размышляя, кого назначить командиром четвертой роты. Прежний выбыл по ранению, вопрос был не простой. Офицеров в батальоне не хватало, взводами командовали сержанты.

Наверху послышался скрип снега, дверь блиндажа, скрипнув, распахнулась, впуслав клубы морозного пара и трех человек в белых маскахалатах.

– Ну как, капитан, все готово? – сняв перчатку, пожал руку комбату первый, то же сделал и второй, а последний, с капюшоном на голове, молча присел в стороне на край нар.

– Так точно, – щелкнул обойму в рукоятку ТТ, Башкатов.

– Ну, тогда одевайся и вперед, – приказал первый.

Это был начальник полковой разведки майор Удальцов и пришедшие с ним – Маклярский с Гейне.

Капитан снял с гвоздя белый полушубок с шапкой, быстро перетянулся портупеей, сунув в кобуру пистолет и, прихватив висевший на гвозде автомат, первым шагнул к выходу. Край неба на западе чуть посветлел, со стороны немецких окопов взлетела и лопнула в небе зеленая ракета, высветив часть поля и темную за ними кромку леса.

Пройдя по узкому ходу сообщения в стрелковую траншею, группа свернула направо, и через сотню метров остановилась у более мелкой, с замаскированной огневой точкой.

– Ну как тут у тебя Маклаков? – спросил комбат у заснеженного бойца в тулупе, лежавшего за щитком «максима».

– Все путем, товарищ комбат, – просипел тот. – Час назад фриц постреливал, а теперь стих. Не иначе перекуривает.

– Ладно, давай бди, – (похлопал по плечу) и, согнувшись, первым скользнул в неглубокий ход, позади сопели остальные. Вскоре он сошел на нет и пересекся с промоиной, – здесь ползком, – обернулся капитан. Шурша снегом, поползли, через несколько минут скатились в бомбовую воронку, на дне которой лежали длинные лыжи с палками.

– Ячейка передового охранения, – паря ртом, приблизил капитан лицо к Удальцову. – Ребят, как вы приказали, я убрал.

– Добро, – шевельнул тот губами и несколько минут все наблюдали за дальним концом поля с немецкими позициями на взгорке. Там по-прежнему свистел ветер, но поземка прекратилась, мороз крепчал.

– Ну что, Саша, давай, – толкнул Маклярский в бок напарника.

Тот молча надел лыжи, затянув крепления, взял в руки палки и остальные тихо вытолкнули перебежчика наружу.

– Шурх, шурх, шурх, – удалились от воронки шаги и стихли.

... Командир стрелковой роты лейтенант Вернер пил в своем блиндаже утренний кофе с коньяком и просматривал свежий номер «Фелькишер беобахтер»*. На титульном листе был запечатлен фюрер, державший с трибуны речь перед восторженной толпой арийцев*, ниже шли несколько победных снимков с Восточного фронта. Они дополнялись сводками оттуда, выступлением доктора Геббельса* и ряда известных журналистов. Все это весьма бодрило, наполняя чувством патриотизма.

Лейтенант был родом из Баварии, где его отец имел пивоварню, в двенадцать вступил в гитлерюгенд*, став там членом НСДАП, а потом, закончив военное училище в Ганновере – пехотным офицером. С началом войны, являясь командиром взвода, принял участие в разгроме Польши, а два месяца назад принял под Москвой роту.

Война ему нравилась, как и командовать людьми, устанавливая превосходство арийской расы. Русских считал унтерменшами* подлежащими уничтожению, презирал и ненавидел.

Чтение прервал негромкий стук в дверь, по ступеням скатился фельдфебель Ливински. В отличие от своего командира тот в парии не состоял, был из крестьян, но являлся рьяным служакой и регулярно отправлял на родину вещевые посылки.

– Господин лейтенант! (щелкнул каблуками) к нам по минам, что установили саперы прошлой ночью, со стороны иванов* бежит человек.

– Вот как? – отложил в сторону газету Вернер, – это интересно. Быстро одел шинель с зимним кепи, натянул меховые перчатки, и оба поднялись наверх.

У бруствера траншеи, на площадке перед амбразурой МГ-34*, гогоча, стояли несколько солдат, обмениваясь замечаниями, а вдали мелькала неясная фигурка быстро приближавшегося человека.

– Смирно! – рявкнул Ливински, гогот прекратился, все, хлопнув руками по ляжкам, вытянулись.

– Вольно – кивнул Вернер и протянул ладонь за биноклем. Приложил к глазам, цейсовская оптика четко приблизила картину: белый балахон, широко раскрытый рот и локти, быстро мелькающие палками.

– Держу, пари, подорвется, – ощерился стоявший рядом фельдфебель.

– А возможно и нет, он на лыжах – продолжил наблюдение офицер.

Через сотню метров неизвестный дернулся, швырнул палки в стороны и надал ходу, затем в его руке затрепетало белое, а ветер донес крик, – нихт шиссен!

– Не стрелять, – опустив бинокль, приказал ротный пулеметчику Рашке, державшего неизвестного на прицеле.

Еще через несколько минут, запалено дыша, беглец перемахнул через заснеженный бруствер, где его свалили, а затем, обыскав и стащив лыжи, подвели держа за локти к Вернеру.

– Вер бист ду?* – ткнул его офицер пальцем в грудь.

– Младший лейтенант РККА, добровольно перешел на вашу сторону, чтобы бороться с большевиками, – последовал ответ на немецком.

– О, лейтнант! – высоко вскинул брови Вернер. – Ты знаешь наш язык?

– Да. И у меня есть важные сведения для германского командования. Прошу организовать с ним встречу.

– Не спеши, – сначала расскажешь, кто ты и где служил. Ливински! (обернулся к командиру взвода).

Тот, вынув парабеллум из кобуры, махнул им в сторону блиндажа, – вперед.

Когда спустились вниз, Вернер уселся за раскладной стол, фельдфебель приказал русскому «стой!» и положил перед командиром изъятые у перебежчика карманные часы, перочинный нож, мятую пачку папирос «Пушка», спички и офицерское удостоверение.

– Демьянофф Александр Пьетрович – брезгливо развернул его в руках ротный. – Командир стрелкового взвода 183-го пехотного полка.

– Совершенно верно – утер рукавом мокрое лицо Гейне.

– Ну и что у тебя за сведения для германского командования? – откинулся на стуле лейтенант.

– Они касаются антибольшевистского подполья в Москве, которое желает оказать помощь вермахту.

– Вот как? – высоко вскинул брови Вернер. – Дальше.

– Подробности, господин лейтенант, я уполномочен сообщить только Абверу.

– Откуда о нем знаешь? (поморщился).

– У нас серьезная организация, с обширными связями.

– Хорошо, – чуть подумал Вернер и бросил Ливински, – увести и взять под охрану.

– Яволь! – щелкнул тот каблуками. – Давай иван (развернул к выходу).

Наверху он окликнул двух солдат, те отвели Демьянова в деревянный сарай в сотне метрах за линией обороны. Когда закрылась дверь, и щелкнул навесной замок, перебежчик осмотрелся.

В тусклом дневном свете, проникавшем сквозь щели крыши, у боковой стены лежали остатки сена, а в глубине виднелось что-то накрытое брезентом. Подошел и, наклонившись, приподнял – на земляном полу аккуратным рядом лежал десяток убитых солдат вермахта, в наглухо застегнутых шинелях и с инеем на лицах. У одного не было ног, от второго осталось лишь туловище, рядом темнел запекшейся кровью безголовый.

«Так вам и надо твари» мелькнула мысль, опустив, вернулся назад и, подгребя сапогами сено уселся, прислонившись к бревенчатой стене.

Вскоре короткий день стал меркнуть, и Александр погрузился в сон, зябкий и тревожный. Ему снился бешеный бег по полю, свист ветра и ожидание выстрелов, а потом звяк палки на mine, и все прокручивалось вновь.

Разбудил пинок в бок, – вставай иван, – пританцовывая от холода, побурчал солдат в кепи с длинным козырьком повязанном сверху женской шалью.

Толкая карабином в спину, вывел из сарая и погнал по тропинке в сторону, откуда привели. У блиндажа стоял колесный бронетранспортер в зимнем камуфляже с тихо работавшим мотором, спустились по обледенелым ступенькам вниз.

– Вот этот, – сказал в желтом свете настольной лампы Вернер, гревшему у походной печки руки унтер-офицеру в белой каске с подшлемником и такой же стеганой, с капюшоном, куртке.

Тот подошел к пленному, натягивая рукавицы, – форверст* (показал на выход). Сопровождаемые конвойным снова поднялись наверх, проскрипели к бронетранспортеру и унтер, открыв стальную дверцу кузова, приказал пленному, – залазь!

Внутри, на откидной металлической скамейке у борта, ежились от холода еще двое в такой же экипировке и со шмайсерами* на коленях, в полумраке светились огоньки сигарет

– Садись напротив засранец, – буркнул один. – И чтоб мне без фокусов, пристрелю как собаку (затянулся обветренными щеками).

Командир, меж тем захлопнув дверцу, прошел вперед, уселся в кабину водителя и махнул рукавицей, – вперед. Бронетранспортер, взревев двигателем, стал набирать ход. Сверху в открытый кузов с пулеметом задувал ледяной ветер, от борта тянуло могильным холодом.

Сначала, переваливаясь на колдобинах, тяжелая машина едва ползла, потом тряска прекратилась, судя по всему, выбрались на рокадную* дорогу, водитель прибавил скорость. Ехали больше часа, дважды бронетранспортер останавливали на постах, где фельджандармы* с люминесцирующими бляхами на груди, подсвечивая фонариками, проверяли документы.

Затем под колесами загромыхал настил моста и почувствовался запах дыма. Машина, выполнив несколько поворотов, сбавила ход, дала короткий сигнал и на малом газу куда-то въехала.

Лязгнула дверца кузова, – выходи! – рявкнул снаружи унтер. Закоченевший пленный шагнул вниз первым, за ним, чертыхаясь и кряхтя, выбралась охрана. Броневи́к стоял на огороженной забором с воротами, расчищенной от снега площадке, с тускло святащими фонарями. Впереди желтел окнами кирпичный особняк, у которого стоял легковой «опель» и грузовик с брезентовым тентом, на крыльце, притопывая ногами, маячил часовой.

Демьянова завели внутрь и усадили на скамью (солдаты по бокам), унтер, постучав, скрылся за одной из трех, выходящих в коридор дверей. Через минуту вернулся и поманил Гейне пальцем, – заходи.

В просторной, с высоким потолком комнате тихо потрескивала печь, за столом меж задернутых шторами окон сидел тощий гауптман* с блестящей лысиной и Железным крестом на шее. Сбоку на диване попыхивал душистой сигаретой рослый лейтенант, в центре стояла табуретка.

Унтер усадил пленника на нее и, шелкнув каблуками, вышел.

– Итак, я офицер Абвера Штумпф. А вы Демьянов Александр Петрович, 1910 года рождения, уроженец Санкт-Петербурга, – взял гауптман лежавшее на столе малиновое удостоверение.

– Так точно, – привстал перебежчик.

– Сидите, сидите (благодушно махнул рукой). Штумпф начинал службу в разведке еще при Гинденбурге*, считался отменным специалистом, но по службе особо не продвигался, чему мешал излишний либерализм.

– Расскажите о себе, – сказал гауптман.

Демьянов рассказал, акцентировав внимание на свое дворянское происхождение, ненависть к большевикам и желание служить великой Германии.

– Похвально, похвально, – пожевал губами Штумпф. – Что имеете еще сказать?

Гейне подробно изложил свою легенду, а когда закончил, гауптман рассмеялся, – мы в паре десятков километров от Москвы. Кому это надо?

– Уже значительно больше, – не согласился перебежчик. – Ваши войска отступают.

Штумпф взглянул на лейтенанта, тот гибко встал и, подойдя, дал пленному в челюсть, того снесло с табуретки. Уцепив за шиворот, вернул обратно, закинув ногу на ногу, снова уселся на диван.

– Не стоит делать подобных заявлений, молодой человек – бесцветно сказал абверовец. – Это чревато. А теперь вас отведут в камеру, и вы напишите там все, что рассказали (нажал на столе кнопку).

Входная дверь отворилась, вошел тот же унтер-офицер, хлопнув руками по ляжкам, – слушаю господин гауптман!

– Кох, – определите нашего гостя в камеру и дайте ему бумагу с карандашом. Возможно, у вас есть просьбы? – взглянул на Демьянова.

– Я со вчерашнего дня ничего не ел, – потрогал разбитую губу перебежчик.

– Кох, потом накормите его. Выполняйте.

– Яволь! – дернул подбородком унтер и бросил пленному, – на выход.

Чуть позже тот сидел в одной из камер подвала, расположенного рядом с домом. Там имелись нары с охапкой соломы, шаткий стол с лавкой и вонючая параша у входа. Осмотрелся, присел за стол и, взяв в руки карандаш, стал писать на оставленной унтером бумаге то, что рассказал ранее.

Закончив, подошел к обитой железом двери, постучал. Лязгнув открылась «кормушка», положил на нее исписанные листы с карандашом, те исчезли. Чья-то рука сунула взамен мятую миску с баландой и ложкой, а к ним ноздреватый кусок черняшки.

Усевшись за стол, жадно схлебал, закусывая черствым хлебом и, натянув на голову капюшон, прилег на нары. За решетчатым окошком свистела метель, на душе было пусто и безотрадно.

Утром Демьянова разбудил скрежет открываемой двери, – внутрь втокнули избитого человека в комсоставской гимнастерке без ремня, с петлицами старшего лейтенанта.

– Суки, – утерев рукавом кровь с лица, присел рядом на нары. – Тоже пленный? (взглянул на Александра). Тот молча кивнул.

– Давно здесь?

– Со вчерашнего вечера. А ты?

– Вторые сутки. Знаешь куда попали?

– Нет.

– В немецкую военную разведку. Отсюда два пути – или работать на них, или расстреляют. Меня, например, точно шлепнут (харкнул на пол), отказался стать предателем. Ну а как ты?

– Тоже не буду, – шевельнул губами Демьянов.

– Слушай, – приблизив лицо зашептал. – Давай подорвем отсюда?

– Легко сказать, – вздохнул, Александр. – Камера заперта и опять же охранник.

– Херня, – постучим в дверь, мол, просимся на допрос, а когда зайдет, оглушим и завладеем пистолетом. Подсменный ушел, сам видел, когда вели. На улице мороз под тридцать, все немцы в доме, а перед ним бронетранспортер с работающим мотором, чтобы не застыл. Прыгаем туда, выносим ворота и вперед. Ну как? – заблестел старший лейтенант глазами.

Когда он все это внашал, Александр почувствовал знакомый запах табака. Такой курил один из абверовцев.

– А бронетранспортер ты умеешь водить? – скосил на соседа газа.

– Не вопрос, я ж танкист. Был командиром роты.

Пошептались еще, распределяя роли, а потом приступили к действиям.

Тихо отодрали ножку от стола, Демьянов стал с нею сбоку двери, а танкист, подойдя к проему, загремел в нее кулаком, – открывай начальник!

Вскоре снаружи лязгнул запор (створка распахнулась) и в тот же миг Гейне саданул ножкой старлея по затылку.

Тот хрюкнул и с раскинутыми руками опрокинулся на спину.

– Цурюк! – ворвались в камеру два охранника с парабеллумами, взяв Демьянова на мушку

– Этот большевик хотел организовать побег, – подняв руки, отошел он к нарам.

Сунув оружие в кобуры, немцы уцепили беспамятного провокатора подмышки и вытащили наружу

– Так- то лучше, – бормотнул пленный, усаживаясь на нары.

Еще трое суток его никто не вызывал, и все это время Александр исправно получал баланду, хлеб и кружку пахнущего соломой чая. В полдень четвертого дня его вновь сопроводили из подвала в особняк к гауптману.

Штумпф, как и прошлый раз сидел за столом, перед ним лежала серая папка, на диване покачивал носком сапога лейтенант, стекла расшторенных окон серебрились морозными узорами. Табуретки не было, сесть не предложили, Гейне остановился в нескольких метрах от стола.

– У меня для вас две новости, – чуть помолчал Штумпф. – Одна хорошая, вторая плохая. С которой начинать?

– Желательно с хорошей, – пожал Демьянов плечами.

– Большевик, хотевший сбежать, повешен, вы нам здорово помогли.

– А плохая?

– В Москве нет никакой организации «Престол» (открыл гауптман папку), а лица, на которых вы ссылаетесь, Садовского и его жену не знают.

На самом деле Штумпф лукавил. Внутри имелись полученные из Норвегии и Берлина шифровки, в которых сообщалось, что Кнут Гамсун действительно знаком с русским поэтом Садовским и состоял с ним в длительной переписке, бывший же полковник Улагай*, ныне штурмбанфюрер СС*, близко знает Воскобойникову, характеризует ее как ярую монархистку и весьма решительную даму.

А еще в папке имелась справка, из которой следовало – бывшая фрейлина царского двора оказывала услуги разведке Кайзера*, вплоть до начала революции в России.

– Что скажете на это? – закрыл и откинулся на спинку кресла.

– Ваши сведения неверны (глянул исподлобья пленный). Организация есть, и она готова работать на благо Рейха.

– Факты упрямая вещь, – процедил гауптман. А потом грохнул кулаком по столу и заорал, – ты агент НКВД, тварь! Сознавайся!

– Мне не в чем.

– Ах вот как? – Майер! (рявкнул лейтенанту).

Тот встал, упруго прошагал к Гейне и сокрушительным ударом отправил на пол, где стал яростно пинать сапогами, – говори, падаль!

Очнулся Александр уже на нарах в камере. Голова гудела, подбитые глаза заплыли, дышалось коротко и с трудом.

– Гады, – шевельнул губами, с трудом повернувшись набок. Кряхтя сполз с них, жадно попил воды из кружки и снова рухнул на солому.

Утром за пленным пришли два охранника, сдернув с нар, уцепили подмышки и поволокли во двор. Там стояла оттепель, с крыши капало, на дальних березах за оградой каркало воронье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.